

ПРАВОСЛАВИЯ

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА ЕГО НЕ ОБЪЯЛА. (ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА ГЛ. 1, СТИХ 5.)

Крестопоклонная неделя

В номере:

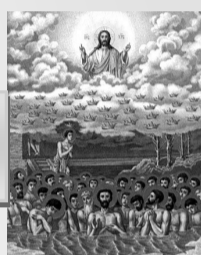
1

Крестопоклонная
неделя

2

40 мучеников

2

Св. Мария
Египетская

3

Божественные
гимны

4

Благовещение

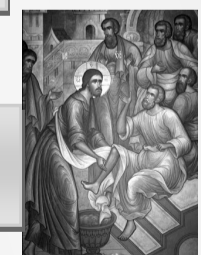
4

Вербное
воскресенье

4

Страстная седмица

5

Вера Церкви

6

История
Православной
Церкви

У православных сейчас – четвертая неделя Великого Поста. Крестопоклонная. Три недели поста уже позади. Те, кто постились за компанию, уже отсеялись и вернулись к своим сосискам. У оставшихся «на посту» есть повод поставить себе хорошую оценку: «несмы яко же прочии человецы». И тут перед нашим чувством глубокого удовлетворения от нашей же собственной праведности вдруг ставится — Крест. Перед памятью о крестной боли аннигилируется память о тех неудобствах, которые несем мы на своем поспытнм пути.

Крест – это стоп-сигнал, препятствие. Прежде всего это знак того, что твой собственный путь в избранном направлении (спасение, самосовершенствование, очищение) безнадежен. Ведь на Кресте – Тот, Кого в Средиземье называют Илуватаром, в Нарнии – Асланом, в греческом тексте Символа веры – Позтом. То есть — Творец. Если такая помощь посылается из такого источника, значит, мое восхождение было иллюзорно, а вокруг меня не без моих усилий конструировался мир катастрофы.

Христианство – жесткая религия. Крест – это главный поступок того Бога, в которого верят христиане. И в этом Его поступке одновременно и невысказанная помощь нам и невысказанно жестокий

диагноз нам же. Если помощь оказывается в таком ошеломительном объеме, то она называется уже не помощью, а спасением. Спасают же там, где угроза умножилась на бессилие.

Христианство, возвеличив человека («ты не пыль, «нас ради человек и нашего ради спасения» Бог сам стал таким как ты») одновременно его и унижает («забудь о самосовершенствовании и самоспасении, ты, сотериологический неумеха»). Успехи йогов, жрецов и толкователей отодвинуты в сторону. Никакой ритуально-социальный «закон никого не довел до совершенства», говорит первым христианам некогда очень продвинутый «толкователь» («книжник»). Засмотревшись на Крест, этот Павел все свои бывшие заслуги, успехи и преимущества теперь расценивает как «дерьмо» (Флп. 3,8).

У подножия Креста лежит большая куча, составленная из олимпийских медалей, генеральских погон, докторских дипломов и черных поясов. Человеческие знаки отличия и преимущества вдруг переживаются как слишком маленькие. Они подарили несколько дней радости и триумфа, но так и не смогли заполнить собою боль и бездну души. Так Крест разрушает мирки.

Но он же хранит Вселенную.

Крест – форма устойчивости. Если Бог так, крестно заботится о человеке, значит, на такого Бога и на Его Крест можно положиться. Человек не потерян и не растворен в эфирных безднах. Крест охраняет его от «древнего Зла». И потому под сенью Креста можно жить.

Олимпик может идти на тренировку, банкир – в банк, генерал – в штаб, студент – в аудиторию. Если ты помнишь о той цене, которой ограждено твое бытие, ты имеешь право на бытие. Ты можешь жить на земле и идти земными путями. Просто найди свои слова для памяти о том, что по своему сказал рокер Сергей Трофимов:

Все-таки весна это чудо от Бога, Тайна мирозданья в улыбке Творца
А земная жизнь – это просто дорога
Только долгий путь от креста до венца
И в конце пути – ощущение свободы
Оттого, что там, где рождается новь,
За меня, дурного, над всем небосводом
Тело держат гвозди, а душу – любовь.

Протоиакон Андрей Кураев

<http://www.pravmir.ru/krestopoklonnaya-nedelya/>

Святые 40 мучеников, в Севастийском озере мучившиеся

В 313 году святой Константин Великий издал указ, согласно которому христианам разрешалась свобода вероисповедания и они уравнивались в правах с язычниками. Но его соправитель Ликий был убежденным язычником и в своей части империи решил искоренить христианство, которое значительно распространилось там. Ликий готовился к войне против Константина и, боясь измены, решил очистить от христиан свое войско.

В то время в армянском городе Севастии одним из военачальников был Агриколай, ревностный сторонник язычества. Под его началом была дружина из сорока каппадокийцев, храбрых воинов, которые вышли победителями из многих сражений. Все они были христианами. Когда воины отказались принести жертву языческим богам, Агриколай заключил их в темницу. Воины предали усердной молитве и однажды ночью услышали глас: "Претерпевший до конца, тот спасен будет".

На следующее утро воинов вновь привели к Агриколаю. На этот раз язычник пустил в ход лесть. Он стал восхвалять их мужество, молодость и силу и снова предложил им отречься от Христа и тем снискать себе честь и расположение самого императора. Снова услышав отказ, Агри-

колай велел заковать воинов. Однако старший из них, Кирион, сказал: "Император не давал тебе права налагать на нас оковы". Агриколай смутился и приказал отвести воинов в темницу без оков.

Через семь дней в Севастию прибыл знатный сановник Лисий и устроил суд над воинами. Святые твердо отвечали: "Возьми не только наше воинское звание, но и жизни наши, для нас нет ничего дороже Христа Бога". Тогда Лисий велел побить святых мучеников камнями. Но камни летели мимо цели; камень, брошенный Лисием, попал в лицо Агриколаю. Мучители поняли, что святых ограждает какая-то невидимая сила. В темнице воины провели ночь в молитве и снова услышали утешающий их голос Господа: "Верующий в Меня, если и умрет, оживет. Дерзайте и не страшитесь, ибо восприимете венцы нетленные". На следующий день перед мучителем и допрос повторился, воины же остались непреклонны.

поставили под стражей на льду на всю ночь. Чтобы сломить волю мучеников, неподалеку на берегу растопили баню. В первом часу ночи, когда холод стал нестерпимым, один из воинов не выдержал и бросился бегом к бане, но едва он переступил порог, как упал за-

стояла зима, был сильный мороз. Святых воинов раздели, повели к озеру, находившемуся недалеко от города, и

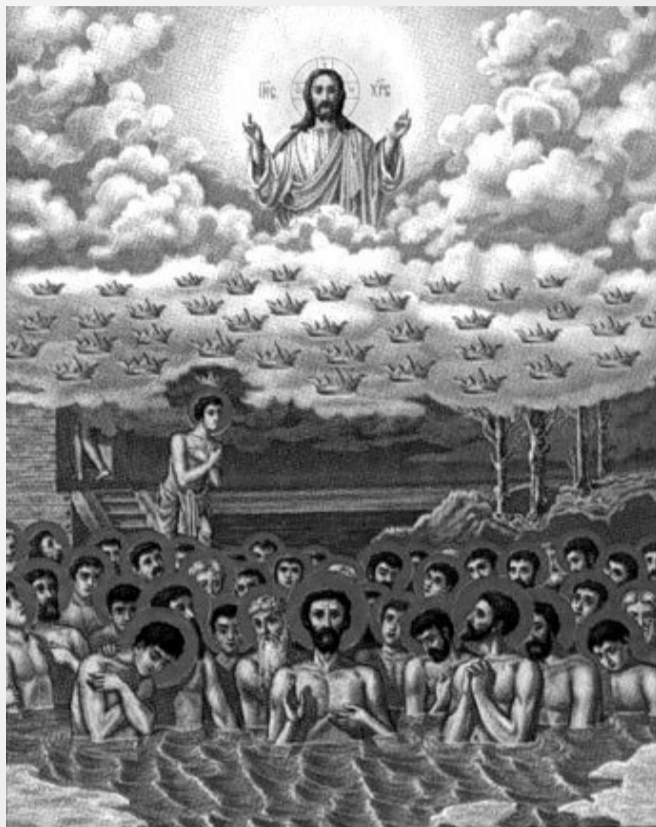
мертво. В третьем часу ночи Господь послал отраду мученикам: неожиданно стало светло, лед растаял, и вода в озере стала теплой. Все стражники спали, бодрствовал только один по имени Аглаий. Взглянув на озеро, он увидел, что над головой каждого мученика появился светлый венец. Аглаий насчитал тридцать девять венцов и понял, что бежавший воин лишился своего венца. Тогда Аглаий разбудил остальных стражников, сбросил с себя одежду и сказал им: "И я - христианин!" - и присоединился к мученикам. Стоя в воде, он молился: "Господи Боже, я верую в Тебя, в Которого эти воины веруют. Присоедини и меня к ним, да сподоблюсь пострадать с Твоими рабами".

Наутро истязатели с удивлением увидели, что мученики живы, а их стражники вместе с ними прославляют Христа. Тогда воинов вывели из воды и перебили им голени. Во время этой мучительной казни мать самого юного из воинов, Мелитона, убеждала сына не страшиться

и претерпеть все до конца. Тела мучеников положили на колесницы и повезли на сожжение. Юный Мелитон еще дышал, и его оставили лежать на земле. Тогда мать подняла сына и на своих плечах понесла его вслед за колесницей. Когда Мелитон испустил последний вздох, мать положила его на колесницу рядом с телами его святых сподвижников. Тела святых были сожжены на костре, а обуглившиеся кости брошены в воду, чтобы христиане не собрали их.

Через три дня мученики явились епископу Севастийскому Петру и рассказали о своем подвиге. Епископ Петр собрал их кости и с честью похоронил. Имена мучеников сохранились: Кирион, Кандид, Домн, Исихий, Ираклий, Сма-рагд, Евноик, Валент, Вивиян, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггей, Аетий, Флавий, Акакий, Екдекий, Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гай, Леонтий, Афанасий, Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филиктимон, Севериан, Худин, Мелитон и Аглай. Память 40 мучеников относится к кругу наиболее чтимых праздников. В день их памяти, 9 марта, облегалется строгость Великого Поста и совершается литургия Пржедосвященных даров.

www.vidania.ru/40muchenikov

Преподобная Мария Египетская жила в середине V и в начале VI столетия. Родилась она в Египте. Ее молодость не предвещала ничего хорошего. Марию исполнилось лишь двенадцать лет,

когда она ушла из своего дома в городе Александрии. Будучи свободной от родительского надзора, молодой и неопытной, Мария увлеклась порочной жизнью. Некому было остановить ее на пути к погибели, а соблазнительей и соблазнов было немало. Более семнадцати лет невозбранно предавалась она греху и совершала все безвозмездно. Мария не брала денег не потому, что была богата; она жила в нищете и зарабатывала пряжей. Просто она думала, что весь смысл жизни состоит в утолении плотской похоти. Так 17 лет Мария жила в грехах, пока милостивый Господь не обратил ее к покаянию.

Случилось это так. По стечению обстоятельств Мария присоединилась к группе паломников, направлявшихся в Святую Землю. Плыв с паломниками на корабле, Мария не переставала соблазнять людей и грешить. Попав в Иерусалим, она присоединилась к паломникам, направлявшимся в храм Воскресения Христова.

Наступил праздник Воздвижения Креста Господня. Люди широкой толпой входили в храм, а Мария у входа была остановлена невидимой рукой и никакими усилиями не могла войти в него. Тут поняла она, что

Господь не допускает ее войти в святое место за ее нечистоту.

Охваченная ужасом и чувством глу-

бокого покаяния, она стала молить Бога простить грехи, обещая в корне

исправить свою жизнь. Увидев у входа

в храм икону Божией Матери, Мария стала просить Богоматерь заступиться за нее перед Богом. После этого она сразу почувствовала в душе просветление и беспрепятственно вошла в храм. Пролетев обильные слезы у гроба Господня, как бы возвысившейся над землей, а она вышла из храма совершенно другим человеком.

Расставаясь с Зосимой, преподобная Мария исполнила свое обещание изменить свою жизнь. Из Иерусалима она удалилась в суровую и безлюдную Иорданскую пустыню и там почти полстолетия провела в полном уединении, в посте и молитве. Питалась она сначала сухими хлебами, которые принесла с собой из Иерусалима, а потом - произрастающими в пустыне кореньями.

Одежда на ней ист-

лела от времени; зной и холод терзали её тело. Но более всего мучили её на протяжении 17-ти лет (столько

же, сколько было прожито во грехе) блудные помыслы. Суровыми подвигами Мария Египетская совершенно искоренила в себе все греховные пожелания и соделала сердце свое чистым храмом Духа Святого.

Старец Зосима, живший в Иорданском монастыре св. Иоанна Предтечи, промыслом Божиим удостоился встретиться в пустыне с преподобной Марией, когда та уже была глубокой старицей. Он был поражен ее святостью и даром прозорливости. Однажды он увидел ее во время молитвы как бы возвысившейся над землей, а другой раз - идущей через реку Иордан, как по суше.

Расставаясь с Зосимой, преподобная Мария попросила его через год опять прийти в пустыню, чтобы причастить ее. Старец в назначенное время вернулся и причастил преподобную Марию Святых Тайн. Потом, придя в пустыню еще через год в надежде увидеть святую, он уже не застал ее в живых. Старец похоронил останки св. Марии там в пустыне, в чем ему помог лев, который своими когтями вырыл яму для погребения тела праведницы. Это было, приблизительно, в 521 году.

Так из великой грешницы преподобная Мария стала, с Божией помощью, величайшей святой и оставила такой яркий пример покаяния.

<http://zaozernaya.ru/21-mareg.html>

Мария Египетская

Память совершается в 5ю неделю Великого поста, а также 14 апреля

Святой преподобный Симеон Новый Богослов († 25 марта 1021 г.) Божественные гимны. О том, что те, которые уже здесь через причастие Святого Духа соединились с Богом, будут и после смерти пребывать с ним. С теми же, которые не таковы, произойдет противоположное.
(Перевод с греческого митрополита Илариона Алфеева)

Начало жизни для меня — конец,
Кончина жизни для меня — начало,
Не знаю я, откуда прихожу,
Где нахожусь, куда пойду — не знаю.
Я, как земля, рождаюсь от земли,
Как прах от праха, будучи, конечно,
От тленья — тленным и всецело смерт-
ным.

Немного дней живу я на земле
И умираю — ухожу из жизни
В иную жизнь. Я оставляю тело,
Но знаю, что оно воскреснет вновь
И будет жить во веки, бесконечно.

Мой Боже! На меня теперь взгляни
И сжался надо мною и помилуй.
Вот, силы уж оставили меня,
Приблизился я к старости и смерти.
Идет князь мира, чтобы испытать
Дела мои дурные и пороки.
Предстали палачи — схватить хотят
Они мою истерзанную душу
И в бездны ада за собой увлечь.
Так поспеши, всемилостивый Боже,
Благодарный, сжался надо мною,
Грехов моих теперь не вспоминай
И не оставь меня. Не дай погибнуть
От рук врага, который ежечасно
Мне угрожает, скрежеща зубами
И говоря: “На что ты уповаешь?
Не избежать тебе моих сетей!
Ты раньше презирал мои законы
И за Христом старался ты идти,
Теперь же ты в моих руках, ничтожный,
И от меня теперь ты не уйдешь:
Не выпущу из рук мою добычу!
Адама с Евой выгнал я из рая,
Я сделал Каина братоубийцей,
Я многих обманул и оболстил,
Ввел в заблужденье, соблазнил на грех

И род людской погиб в волнах потопа.
Царя Давида хитро я увлек
К прелюбодейству, а затем к убийству.
И всем святым я объявил войну,
И многих погубил и уничтожил.
Так ты ли, жалкий, думаешь спастись
От рук моих и избежать расправы?”

Владыко, Судия, Творец и Бог,
Души и тела моего Создатель!
Когда такие слышу я слова,
Я трепещу, дрожу и ужасаюсь.
Я горько плачу пред Тобой, Христе,
А он, злодей, опять меня пугает:
“Ты не постишься, не творишь покло-
нов,
Не совершаешь ты ночные бденья,
Не молишься и не несешь трудов,
Которые ты в молодости начал.
За это разлучу тебя с Христом,
Возьму с собой в огонь неугасимый”.

Но, Господи, Владыко, Ты же знаешь —
Я не надеюсь на свои дела
И не в трудах спасенье полагаю,
Но прибегаю я к Твоей любви,
На милосердие Твое надеюсь
И жду, что даром — без моих заслуг
Меня спасешь, как некогда блудницу,
Как сына блудного, что в отчий дом
Вернулся со словами: “согрешил я”.

Вот с этой верой я к Тебе пришел,
Вот с этим упованием прибежал я,
С надеждой этой приступил к Тебе.
Так пусть не хвалится теперь, Владыко,
Лукавый князь и пусть не говорит:
“Где твой Христос? Где ныне твой За-
ступник?
Он Сам мне в руки отдает тебя”.
Ведь если в плен меня возьмет лука-
вый,
Он не припишет это моему
Пренебрежению или нерадению,
Но на Тебя все свалит, будто
Ты меня оставил. И опять он скажет:
“Смотри, смотри, на что ты уповал!
Смотри, к кому ты приступил, безум-
ный,
Смотри, о Ком ты думал, что тебя
Он любит, как наследника и брата,
Как друга, сына. Посмотри, ведь Он
Уже давно тебя оставил, бросил
И предал мне, Он изменил тебе!
Смотри — твой Бог тебя возненавидел!”

Ты слышишь, Боже, не оставь меня,
Не допусти погибнуть мне, о Царь мой.
Изведший некогда меня из тьмы,
Из пасти дьявола освободивший,
Внезапно Сам поставивший меня
В Твоем небесном, несказанном свете.

Спаситель! Снова вижу я Тебя,
И сердце вновь уязвлено любовью,
И не могу я на Тебя смотреть,
Но не смотреть мне тоже невозможно.
Тебя не видеть, Боже, не могу,
С Тобой разлуки вынести не в силах!
Ведь неприступна красота Твоя,
Прекрасен облик, слава несказанна.
Кто из людей мог созерцать Тебя?
Кто мог когда-либо увидеть Бога?
Чей глаз способен Бога опознать?
Чей ум — постичь Того, Кто выше всех,
Кто всю вселенную рукой содержит,
Кто Сам есть Все, но Сам и вне всего,
Кто космос весь собою наполняет,
Но вместе с тем — опять скажу я — вне
Таинственно живет и существует.
Однако вижу я Тебя, как солнце,
Тебя я созерцаю, как звезду,
Тебя ношу я в сердце непрестанно,
Как дорогой сияющий алмаз,
Смотрю я на Тебя, как на светильник,
Горящий ярко в глубине сосуда.

И вместе с тем я чувствую, что Ты
Всего Себя не хочешь открывать мне,
Меня всего не делаешь Ты светом
И не могу во всей я полноте
Познать Твое величие и славу.
Поэтому мне кажется, что вовсе
Внутри себя я не имею жизни,
А жизнь моя есть Ты. Я горько плачу,
Рыдаю безнадежно, как богач,
Который вдруг стал нищим и бесслав-
ным.
Увидев это, враг мне говорит:
“Ты не спасешься, ты отпал от Бога,
Опять ошибся ты в своих надеждах.
И к Богу доступ для тебя закрыт”.
Не отвечая дьяволу ни слова,
Я дунул на него — и он исчез.

Итак, прошу Тебя и умоляю:
Будь снисходителен ко мне, Спаситель,
В тот страшный час, когда душа
Навеки будет с телом разлучаться,
Чтобы врагов, бегущих на меня,
Я посрамил одним лишь дуновеньем,
Чтоб, защищенный светом Божества,
Я перешел бы, целый-невредимый,
И стал бы пред судилищем Твоим,
Божественную благодать имея
Внутри, которая меня, Христе,
Спасает, делая неуязвимым.

Кто дерзнет явиться пред Тобой,

Не облеченный благодатью этой?
Кто сможет видеть славу Божества,
Не просвещенный свыше благодатью?
Как может видеть Бога человек?
Как может наша низкая природа
Уразуметь природу Божества?

Бог — несозданный, мы — Его созда-
нья,
Нетленен Он, мы — тление и прах.
Он — Дух, Который выше всех бесплот-
ных,
Творец небесных духов и Господь,
А мы — тела земные и простые.
Он — вечный и божественный Творец,
А мы — лишь черви, прах и пепел.
И кто из нас увидеть Бога смог бы,
Когда бы Сам Господь не ниспослал
Нам Своего Божественного Духа,
Который нашей немощной природе,
Дает такую крепость, силу, мощь,
Что человека делает земного
Способным видеть славу Божества.
Ибо никак иначе невозможно
Узреть Его, грядущего во славе.

Так будут грешные навек отделены
От праведных, нечистые — от чистых.
Все, кто при жизни света не имели,
Покроются навеки черной тьмой.
А те, кто с Богом в жизни пребывали,
В тот час навеки с Ним соединятся
И никогда не будут лишены
Общения таинственного с Богом.
Но те, кто в жизнь иную отошли
Лишенными Божественного света —
Как смогут там соединиться с Ним?
Хотел бы я от вас ответ услышать,
Но лучше сам скажу об этом вам.

Бог, человеком став, с людьми общал-
ся,
Соединившись с нашим естеством,
Он приобщил к Божественной природе
Всех, кто поверили в Него, и всех,
Кто доказать делами веру могут.
Итак, лишь эти, — говорит Господь, —
Одни они, кто к Богу приобщились,
Одни они лишь будут спасены,
Ибо и сам Господь, Творец вселенной,
Соединился с нашим естеством,
Как говорит святой апостол Павел,
Что Церковь — это Тело Божества,
Лишенное морщин и недостатков,
Лишенное порока и пятна,
Глава же Тела — Иисус Христос.

Но если это будет так, то кто же
Из недостойных, грешных и нечистых
Посмеет к Богу дерзко подойти?
Как грешник сможет прилепиться Богу?
Ведь если отлучаются теперь
Все грешники от Церкви и от таинств
И созерцания божественных вещей
Лишаются, не будучи святыми,
То как тогда — увы мне! — все они
С Божественным соединятся Телом
И сделаются членами Христа,
Запятнанные грязью и пороком?

Никак не будет этого, друзья!
Кто отделились от Христова Тела,
От Церкви и от общества святых —
Куда они пойдут, в какое царство?
Где поселиться смогут, мне скажи?
Ведь лоно Авраамово и рай
и место вечного упокоенья
Тем, кто спасаются, принадлежит.
А кто спасаются? Святые люди,
Как говорит Евангелие нам.
“Обителей, — сказал Спаситель, —
много,
Но все находятся внутри чертога”.
Как небеса одни, но в небе звезды
Отличны друг от друга по размеру,
Сиянью, блеску, славе, красоте,
Так есть один чертог, одно есть цар-
ство,

Которое мы называем раем
Или Небесным Иерусалимом.
И это царство, город и чертог,
Земля святая — есть один лишь Бог!
Как в этой жизни человек без Бога
Покоя не находит днем и ночью,
Так будет и по смерти: вне Его
Не будет ни покоя, ни отрады,
Ни мест, лишенных скорби и печали.
О братья! Постараемся теперь,
Пока еще нас не настиг час смертный,
Душой своею прилепиться к Богу —
Творцу всего, Который ради нас
Покинул небеса, сошел на землю,
Оставил ангелов, вселился в чрево
Пречистой и Благословенной Девы,
Неизреченно от Нее родился,
Явился для спасения всех нас.
Спасение же наше состоит, —
Как говорили мы и снова скажем
Не сами от себя — от Божьих уст, —
В том, что пришел на землю Свет вели-
кий,
Заря явилась будущего века,
И Царство Божие сошло на землю,
Сам Царь вселенной к нам сошел с не-
бес
И уподобился Он нам во всем,
Чтоб, приобщившись света Божества,
Мы засияли отраженным светом
И сделались подобными Ему,
Причастниками Царства благодати
И общниками славы Божества,
Наследниками вечных благ, которых
Никто на свете никогда не видел.

Уверен, верую и говорю,
Что эти блага — Троица Святая,
Отец и Божий Сын и Дух Святой.
Они — источник благ и жизнь вселен-
ной,
Они — надежда, слава и покой,
Они — спасение и сладость верных
И радость несказанная для всех,
Кто приобщились Божьего сиянья,
Кто чувствует, что с Богом породни-
лись.

Послушайте! Спасителем зовем
Мы Бога нашего по той причине,
Что дарует спасение Он всем.
Спасением же называем мы
От тленья, зла и смерти избавленье,
Приобретенье в Боге вечных благ,
Что вместо смерти даруют нам жизнь,
Свет — вместо тьмы, и вместо рабства
— волю,

Что совершенную дают свободу
Всем, кто соединились со Христом
И в радости во веки пребывают.
А те, кто от Христа удалены,
Кто не искали Бога, не стремились
Соединиться с Ним, кто не достигли
От смерти и страстей освобожденья —
Князья ли то, вельможи иль цари,
Хотя бы думали они и мнили,
Что в радости и сладости живут,
На самом деле никогда не будут
Они владеть той радостью великой,
Неизреченной и неизъяснимой,
Какую знают все рабы Христа,
Свободные от низменных желаний.

Ту радость не познает, не поймет
И не увидит никогда никто
Из тех, кто не соединились с Богом,
Кто горячо к Нему не прилепились
И кто не растворились во Христе,
Которому держава подобает,
Хвала и пение, и честь, и слава,
И поклонение от всякой твари,
От всякого дыхания во веки.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ 7 АПРЕЛЯ

Благовещение! Когда-то это был один из самых радостных, самых светлых дней в году, праздник, с которым не только в сознании, но, я бы сказал, — и в подсознании, была связана какая-то ликующая интуиция, светлое видение мира и жизни. Конечно, для так называемого научно-атеистического подхода к религии в евангельском рассказе о Благовещении, из которого вырос праздник, найдется особенно много поводов, чтобы говорить о «мифах и легендах». Разве это бывает, скажут позитивно мыслящие и рационально настроенные люди, чтобы ангелы являлись молодым женщинам и вели с ними разговоры? Неужели же верующие надеются, что люди XX века, люди технологической цивилизации и научной настроенности в это поверят, неужели верующие не понимают, как все это несерьезно, ненаучно, неправдоподобно?

На эти вопрошания, насмешки, разоблачения верующий может всегда дать только один, все тот же ответ: да, увь, включить это в ваше плоское мирозерцание действительно невозможно; да, пока разговор о Боге и о религии ведется в плоскости химических опытов и математических выкладок — побеждаете вы и торжествуете

легкую победу. Тут доказывать или отрицать что бы то ни было без помощи химии и математики нельзя. И на языке вашей науки, конечно, ничего не значат слова ангел, благая весть, радость, смирение. Но зачем ограничиваться религией?

На этом вашем языке ничего не значит добрая половина слов вообще, и ведь как раз поэтому и приходится вам держать под страшным прессом и поэзию, и литературу, и философию, и вообще всю мечту человеческую. Вам хотелось бы, чтобы весь мир думал, как вы, — о производстве и экономических законах, о коллективах и программах. Но мир так не думает, и его нужно держать в железных рукавицах, чтобы он думал так, или, вернее, делал вид, что так думает. Вы говорите, все то, что мечта, — неправда, потому что этого нет.

Но на деле люди всегда жили, живут и будут жить мечтой, и все самое глубокое, самое нужное для себя выражать на языке мечты.

Я не знаю, что такое ангел, я не могу на вашем языке объяснить, что произошло почти две тысячи лет назад в маленьком галилейском городе и о чем повествует Евангелие от Луки. Я думаю, что рассказ этот человечество никогда не забывало, что эти несколько строк воплотились в бесчисленном количестве картин, поэм, молитв, что они продолжали и продолжают вдохновлять. А это значит, конечно, что люди слышали в них что-то бесконечно важное для себя, какую-то правду, которую, по всей вероятности, иначе, как на этом детском, радостном языке выразить нельзя.

О чем эта правда? Что случилось, когда молодая женщина, почти девочка, услышала внезапно — из какой глубины, с какой высоты! — это удивительное приветствие: «Радуйся!» — Ведь вот что сказал Марии ангел: «Радуйся!» Мир наполнен томами о

борьбе и соревновании, ими хотят доказать, что путь к счастью лежит через ненависть. И во всех этих томах ни разу не написано слово «радость», и люди даже не знают, что это такое. А вот та радость, о которой возвестил ангел, продолжает трепетать в мире и так же потрясать, так же волновать человеческие сердца. Войдите в храм в вечер под Благовещение. Дождитесь того момента в этой длинной службе, когда, после долгого ожидания, долгого нарастания хор начинает петь, так тихо и так божественно прекрасно: «Архангельский глас вопиет Ти, Чистая, — радуйся, и паки реку — радуйся!»

Прошли века, а мы все слышим этот призыв к радости, и радость теплой волной заливают наше сердце. Но о чем она? Конечно, и прежде всего, о самой этой женщине, образ которой наполнил собою мир, смотрит на нас с икон, стал одним из величайших и чистейших воплощений человеческого искусства, человеческой мечты. Верность, чистота, целостность, всецелая самоотдача, бесконечное смирение — все то, что навеки звучит в ответе Марии ангелу: «Се раба Господня, буди ми по глаголу Твоему». Скажите, есть ли в мире — во всей его богатой и сложной истории — что-нибудь выше и прекраснее, чем этот человеческий образ. Действительно, как поет Церковь, о Ней, о Пречистой и Благодатной, вечно «радуется всякая тварь».

На ложь о человеке, на его редукцию к земле и к животу, к низменному и животному, на подчинение его непреложным и безличным законам природы Церковь отвечает образом Марии, пречистой Богоматери, Той, к Которой, по словам русского поэта, всегда возносятся «от великой полноты сладчайшие людские слезы». Радость о том, следовательно, что тут преодолевается та неправда, та ложь о человеке, которой все время наполняется мир.

Радость любования, радость обладания — ибо этот образ всегда с нами, как утешение и ободрение, как вдохновение и помощь.

Радость о том, что, глядя на него, так легко верить в небесную голубизну мира, в небесное призвание человека. Радость о Благовещении — о благой вести, принесенной ангелом, что люди обрели благодать у Бога, и что скоро, скоро — через нее, через эту никому неизвестную галилейскую женщину, начнет совершаться тайна спасения мира: к ней придет Бог, и придет не в грохоте, не в страхе, а в радости и полноте детства, и через нее воцарится в мире Ребенок, слабый и беззащитный, но который навсегда, навеки сделает бессильными все силы зла.

Так вот то, что празднуем мы на Благовещение, вот почему праздник этот всегда был и навсегда останется такой радостью, таким светом. Еще раз — понять и выразить это в ваших категориях невозможно, ибо все ваше так называемое научное безбожие к тому как раз и сводится, что вы своевольно, беспелляционно объявили несуществующим, ненужным и вредным целое измерение человеческого опыта, и объявили несуществующими все те слова и понятия, в которых он был выражен. Для того, чтобы спорить с вами на вашем языке, нужно предварительно спуститься в какой-то темный погреб, где не видно неба — и потому оно отрицается, где не светит солнце — и потому его нет, где все уродливо, грязно и темно, и потому отрицается красота, где невозможна радость, и потому все — злые и грустные. Но если выйти из погреба и подняться, попадаешь в ликующий радостью храм, и там опять слышно: «Архангельский глас вопиет Ти, Чистая, радуйся, и паки реку: радуйся!»

Протопресвитер Александр Шмеман
<http://www.pravmir.ru/blagoveshhenie-2/>

Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье) в этом году отмечается 8 апреля

В этот день Господь Иисус Христос вошел в Иерусалим особенным образом — Он въехал на ослице. Это Он сделал исполняя древнее пророчество, для того чтобы люди узнали Его. И действительно, иудеи встречали Его с пальмовыми ветвями как Мессию, своего Царя. Этот вход в Иерусалим

Господь совершил для того, чтобы совершить дело нашего спасения через Крестные Страдания и Воскресение из мертвых. Это нашло свое отражение и в богослужении. Вербы освящаются в память об этом событии накануне в субботу (7 апреля) на вечерней службе.

Страстная седмица

- последняя седмица перед Пасхой. Она посвящена воспоминанию последних дней земной жизни Спасителя: Его страданий, крестной смерти и погребения. Все дни Страстной седмицы называются великими.

Эта неделя особо чтится Церковью.

Вспоминая в Богослужении события последних дней земной жизни Спасителя, Святая Церковь внимательным оком любви и благоговения следит за каждым шагом, вслушивает-

ся в каждое слово грядущего на вольную страсть Христа Спасителя, постепенно ведет нас по стопам Господа на протяжении всего Его крестного пути, от Вифании до Лобного места, от царственного входа Его в Иерусалим и до последнего момента Его искупительных за людские грехи страданий на кресте, и далее - до светлого торжества Христова Воскресения. Все содержание служб направлено к тому, чтобы чтением и песнопениями приблизить нас ко Христу, сделать нас способными духовно созерцать таинство искупле-

ния, к воспоминанию которого мы готовимся.

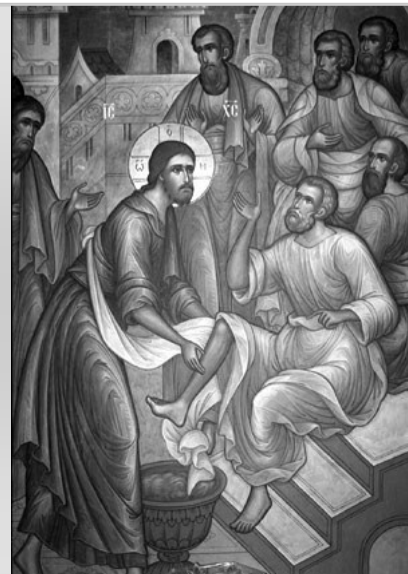
Первые три дня этой седмицы посвящены усиленному приготовлению к страстям Христовым.

В соответствии с тем, что Иисус Христос перед страданиями все дни проводил в храме, уча народ, Святая Церковь отличает эти дни особенно продолжительным Богослужением.

Стараясь собрать и сосредоточить внимание и мысли верующих вообще на всей Евангельской истории воплощения Божьего человека и Его служения

роду человеческому, Святая Церковь в первые три дня Страстной седмицы прочитывает на часах все Четвероевангелие.

На вечерней службе в Великий Четверток (четверг) читается 12 отрывков из Евангелия, в которых повествуется о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. По традиции на этом богослужении верующие молятся с зажженными свечами, с которыми по окончании богослужения они идут домой и огнем свечи делают изображения креста на верхних частях окон и дверных проемов.

Вера Церкви

Христос Яннарас

(Продолжение. Начало в №27-35)

Аскетическая практика

Церковное учение о мире - это не набор умозрительных положений, не абстрактная теория, не "догматическая" интерпретация реальности, но динамичное знание, полученное тернистым путем общения с миром. Человек не в состоянии постигнуть истину об основах тварного бытия, если он подходит к явлениям природы как к нейтральным объектам, видя в них лишь орудия удовлетворения его собственных желаний и потребностей. При таком ограниченном, "объективированном" и утилитарном подходе к миру мы можем достигнуть фантастических успехов в развитии наших "позитивных" наук и в сфере их практического применения, то есть в технологии, но мир по своей сути останется для нас непознанным, иррациональным ("а-логичным"), как некий призрачный, висящий над бездной небытия.

Всякий настоящий художник прежде всего выходит за пределы "объективного" восприятия мира. Живописец, например, пытается передать на полотне уникальность предмета, лица, пейзажа - так, как он сам его видит; и выражает в художественных образах то особое, неповторимое отношение, что возникает между его личностью и изображаемой реальностью. Его не интересует фотографическая точность, иначе он был бы "ученым", а не художником. Он потому и является художником, что стремится раскрыть даже в самых ничтожных предметах повседневного бытия "сияние" уникального логоса, обращенного именно к нему. В свою очередь в самом восприятии этого логоса проявляется иной, личностный логос, ибо живописная манера всегда единственна и неповторима.

Однако существует и более высокая ступень подобного отношения к миру, его восприятия. Речь идет о том, что Церковь называет аскезой. Аскеза - это опыт отказа от собственного человеку эгоистического стремления рассматривать все вещи как нейтральные объекты, предназначенные для удовлетворения его потребностей и прихотей. Путем самоограничения и подчинения общим аскетическим нормам мы преодолеваем эгоцентризм собственной природы и перемещаем ось нашей жизни, нашего "я" в сторону личного взаимоотношения с окружающим миром. Отношения же устанавливаются лишь после того, как мы действительно откажемся от внутреннего стремления к господству. И тогда мы начинаем уважать все, что видим вокруг себя, начинаем открывать, что мы окружены не просто объектами, безличными орудиями удовлетворения наших утилитарных потребностей, но существами, то есть плодами творческой деятельности, свойственной Личности. Мы обнаруживаем личностный характер мирских даров, уникальность логоса каждой вещи и возможность взаимоотношения с ним; в нас открывается возможность единения в любви с Богом. Наши отношения с миром превращаются в опосредованную связь с Богом - Творцом и Художником мира, а истинная полезность мира для нашей жизни раскрывается тогда перед вами как возможность постоянного приближения к Истине, как все более глубокое познание, не доступное никакой "позитивной" науке.

Позволю себе вновь обратиться к конкретному примеру. Какой-нибудь тривиальный обиходный предмет - скажем, карандаш или авторучка - всегда

находится у нас под рукой, и мы пользуемся им равнодушно и машинально, не придавая ему никакого особого значения; в случае потери заменяем его другим, и дело с концом. Но если та же самая вещь связана для нас с каким-либо дорогим воспоминанием - например, подарена любимым человеком, тогда ее ценность в наших глазах будет соответствовать глубине и силе наших чувств к человеку, о котором она напоминает. Каждый раз, когда мы берем эту вещь в руки, мы не просто используем ее по назначению, но словно через нее получаем помощь от любимого человека. Так предмет, нейтральный для других, становится фактом отношения, связи, личного общения, непоколебимым подтверждением любви. А ведь это лишь не совсем удачный пример из повседневной жизни! Мир же - не просто подарок на память, преподнесенный человеку Богом, но динамично реализующаяся полифония логосов, воплощающая любовь Творца в Его Творении. И к человеческой свободе обращен призыв: привести в гармонию эту полифонию тварного мира актом приятия Божественной любви.

Использование мира

Церковная космология, постигаемая практически через аскезу, может рассматриваться как универсальный модус жизни и отношения к миру. Он проявляется себя не только в глубине нашего сердца или же в таинстве Евхаристии, но и более широко - в общественной жизни в определенные исторические периоды, являясь выражением человеческой цивилизации. Мы говорим о таком типе искусства, технологии, экономики и политики, в котором отражено уважение к миру, отношение к нему как к дару любви; в котором присутствует стремление познать неповторимый логос каждой вещи и удивительную способность материи воплощать отношения между Богом и человеком, благодаря чему тварное обретает возможность причастия к жизни нетварного.

Цивилизация такого типа процветала в эпоху, называемую византийской и пост-византийской. Здесь не место подробно разбирать, каким образом юридические институты Византии, экономические структуры и частная активность являлись выражением церковной космологии в практической жизни. Этой теме посвящена обширная литература. Скажем лишь, что было бы достаточно в подробностях изучить архитектуру любого византийского храма или же технику каменной кладки, чтобы непосредственно уловить дух этой цивилизации, то уважение к внутренней жизни материала, которое испытывает строитель, избегающий каменного бы то ни было насилия над камнем, каких бы то ни было попыток подчинить материал произволу своих собственных замыслов. Используя природную материю, византиец при этом высказывает полное самоотречение, отказ от эгоцентрического тщеславия; он позволяет самому материалу выразить свой "логос", установить диалог с мастером - диалог, который сегодня не в состоянии воспроизвести никакая

строительная техника.

Наша сегодняшняя цивилизация - антипод Византии, поэтому нам почти невозможно следовать этике византийского подхода к миру, в котором превыше всего стояла истина. Сегодня наши отношения с миром становятся все более опосредованными. Они осуществляются через машины, подчиняющие природу и ее стихии потребности нашего разума, подавляющие всякое сопротивление материала навязанным ему рассудочным схемам. Это "индивидуалистическое давление" на природу представляется нам совершенно нормальным способом существования, введшимся в наши плоть и кровь: мы привыкли одним нажатием кнопки получать свет, тепло, прохладу, увеличение скорости, телесвязь и массу других незамедлительных выгод. Во всех этих вещах самих по себе нет ничего плохого. Напротив, они вполне хороши по своей сути, так как упрощают человеческую жизнь, облегчают бремя бытовых забот, которое еще недавно человек был вынужден нести, чтобы выжить. Но в то же время они высвобождают людскую ненасытность, эгоцентрическую инстинктивную жажду

обладания, потребления, безудержного чувственного наслаждения.

Как бы то ни было, индивидуалистическое насилие человека над миром, осуществляемое с помощью современной техники, является практическим приложением той космологии, что считает природу нейтральной и безличной "средой", назначение которой - служить нуждам и желаниям человеческого рода. Здесь не осталось ни малейшего намека на личные отношения с миром, на реализацию жизни как единения в любви. Однако интенсивное внедрение в практику миропонимания, обладающего столь радикальным антихристианским характером, явно оказывается разрушительным для жизни и несет в себе угрозу гибели как природы, так и человека. Загрязнение окружающей среды, истощение энергетических ресурсов, отравленная атмосфера больших городов, загнивающие водоемы, бесплодные почвы, токсичные пестициды и прочие тревожные симптомы, среди которых живет сегодня человек индустриального общества, являются признаками трагической ошибки, совершенной человеком в его отношениях с миром, - ошибки, стремительной приобретающей размеры смертельной опасности. То, что мы называем "прогрессом" и "развитием", оборачивается на деле насилием над природой и ее разрушением, а для людей - неизбежными страданиями и угрозой табели.

В наши дни впервые необходимость уважения к миру и смирения в познании истины о мире, потребность в восстановлении справедливых отношений между миром и человеком становится буквально вопросом жизни или смерти.

Человек Образ Божий

Согласно Преданию неразделенной Церкви и ее исторического продолжения - Православия истина о человеке постигается через откровение истины

о Боге. Нас не может удовлетворять описательная антропология, для обоснования которой достаточно данных современных гуманитарных наук; мы испытываем потребность в объяснении самого факта существования человека и в освещении тех граней нашего бытия, что не могут быть сведены к какой бы то ни было "объективной" интерпретации.

В письменной традиции Божественного Откровения, в Священном Писании Церкви, утверждается личностное существование Бога, а также создание человека по образу Божию. Другими словами, человек тоже существует как личность, хотя и обладает тварной природой. Эта первичная связь между Богом и человеком, устанавливающая самый модус человеческого бытия, отражена на первых страницах Ветхого Завета в поэтическом и символическом повествовании, к которому христианская мысль всегда возводила основные принципы церковной антропологии.

Так, мы читаем в книге Бытия о сотворении мира Богом в течение шести дней. Все основные элементы мира Бог создает одним лишь Словом. На шестой день после сотворения "зверей земных по роду их, и скота по роду его, и всех гадов земных по роду их" (Быт.1,25) Он приступил к созданию человека. Библейский текст посредством своего образного языка представляет нам творение человека как исключительный по своему характеру Божественный акт. Речь идет не просто о творческом волеизъявлении Создателя, но прежде всего о некоем Божественном Совете, в котором христианская экзегеза всегда видела первое указание на троичность Бога: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле" (Быт.1,26).

Итак, речь идет не просто об очередной разновидности живых существ, населяющих землю, но о таком существе, которое Бог отличает от всей прочей твари как Свой образ в мире - то есть Свое явление. Свое непосредственное отображение [4]. Следовательно, человеку дано господство над миром не как "управляющему" или поставленному свыше "надсмотрщику", но как царю и вождю, призванному привести все творение к его последней цели (логосу).

Особый характер акта сотворения человека Богом дополняется, согласно Библии, еще одним исключительным действием: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою" (Быт.2,7). Никакая другая тварь не была создана Богом "собственноручно". Материалом для человеческого тела послужил "прах земной", отсюда имя первого человека: Адам ("сделанный из земли"). Но эта земная глина была сформована руками Самого Бога, Который затем вдохнул в нее собственное дыхание и тем возвел человека на уровень "души живой".

С незапамятных времен для евреев и вообще для семитских народов дуновение в лицо другого человека имело глубокий символический смысл. Это означает, что я передаю другому свое дыхание, то есть нечто в высшей степени внутреннее, интимное - мое самосознание, мой дух.

(Продолжение в №37)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в №27-35)

Что же касается самого решения Апостольского собора, то оно было в некотором роде компромиссом между позициями "консерваторов" и "универсалистов", но компромиссом с явным преимуществом последних. Иерусалимская мать-Церковь признала, что обращенные из язычества действительно состоят в завете с Господом, даже если они не прошли через обряд обрезания. Единственные ограничения, которые вводились для них, - это совет воздерживаться от участия в языческих ритуальных трапезах (в эллинистическом мире был обычай проводить банкеты в храмах, где бог считался одним из гостей) и не вступать во внебрачные половые связи (в этом иудейские этические нормы были намного более строгими, чем языческие). Послания св. Павла к Коринфянам представляют нам довольно яркую картину относительно социального фона, на котором были выдвинуты эти условия.

Спор перешел на вопрос о том, обязательен ли по-прежнему Закон Моисеев или он уже отменен. Для Павла смысл этого вопроса заключался в том, может ли человек спастись лишь собственными силами, просто соблюдая все заповеди Божии. Апостол язычников противопоставляет этой концепции Закона идею Божественного милосердия и прощения, предлагаемых человеку Христом без каких-либо заслуг с его стороны. В крещении человек объединяется с Христом и получает оправдание - он начинает новые отношения с Богом на новой почве, на которой он творит добрые дела и возрастает в святости. Поэтому христиане свободны от закона Моисеева, ибо закон затем и дан, что он делает необходимым свое собственное преодоление. Закон дает лишь знание нормы, но он не дает силы освободиться от греха: иначе не было бы нужды во Христе. Закон был дан иудеям, но его статус не постоянный, а временный - он играл роль "детоводителя" (Гал.3:24), чтобы привести нас ко Христу.

Спасение Богом совершится во Христе. Сын Божий стал человеком и, будучи безгрешным, взял на Себя все бремя грехов, все осуждение закона и Своей смертью искупил нас от этого осуждения. Но тем самым в Нем умер закон и воцарилась благодать - через веру во Христа, через соединение с Ним в крещальном уподоблении Его смерти человек получил Его жизнь, перестал быть рабом, чтобы стать сыном Божиим.

Спасение это даровано не только иудеям, но и всем людям. Ибо и язычники имеют в себе закон совести, осуждающий зло, и поэтому находятся под тем же осуждением, что и иудеи. В спасении нуждаются все в равной степени - как иудеи, так и язычники.

Превосходство иудеев в том, что им вверено Слово Божие, т.е. через них подготавливается пришествие Христово, но Христос приходит, чтобы спасти всех. И для вошедших в Его тело нет более никаких различий, ни иудея, ни эллина, ибо "древнее прошло, теперь все новое" (2Кор.5:17).

В том, что обращенные из язычества

обрели в Церкви свободу и равный статус с обращенными из иудейства, - почти всецело заслуга св. Павла, сумевшего доказать свою точку зрения иерусалимским лидерам и добиться признания всех, обращенных им, полноправными членами Церкви. Он принял это признание как свидетельство и подтверждение собственного положения как апостола язычников. В тех весьма напряженных спорах, которые продолжались почти всю его жизнь, самым мощным его аргументом был конкретный факт существования многочисленных обращенных из язычества, от которых Павел не требовал ничего, кроме веры во Христа, т.е. сознательного, целостного обращения к Нему и новой жизни во Христе.

Возможно, главной причиной такого миссионерского успеха апостола Павла была его необыкновенная гибкость и способность подстроить себя под ситуацию и под аудиторию: он смог перевести палестинское Евангелие на язык, понятный греческому миру. Таким образом, он стал первым христианским апологетом. Первое поколение палестинских христиан ожидало пришествия Господа во славе в самое ближайшее время. Вначале св. Павел придерживался того же мнения (1Фес.4:13-18). Однако вскоре его взгляды изменились; во всяком случае, он пишет о своей смерти еще до пришествия Спасителя (Флп.1:23-24, 2Тим.4:6-8). Но главное, Павел понял, что в грекоязычном мире учение о немедленном пришествии Спасителя вряд ли поможет миссионеру, стремящемуся к обращению многих. Греки гораздо больше интересовались началом вещей, их причиной. То, что бывает конец, им еще предстояло объяснить. Павел перенес ударение с "омеги" на "альфу", со Христа - конца всех вещей на Христа - Премудрость Божию в творении, существующую от вечности, имманентную творению силу, благодаря которой все разнообразие космоса спасается от распада. В частности, он учил, что Господь имманентен Своей Церкви, как душа имманентна телу, поэтому Церковь всегда возрастает до последних времен, когда в нее войдет все человечество, и более того, все земное и небесное, - под единой главой, Христом. Именно в этих терминах в послании к Эфессянам была сформулирована идея вселенской Церкви - единой, святой, соборной и апостольской. Ибо, согласно учению Павла, все христиане объединены друг с другом через союз с Господом в вере и крещении; Им Церковь делается святым обществом, призванным из мира для исполнения священнического служения, для проповеди Благой Вести всему человечеству.

Эта Церковь распространяется на всю вселенную и постоянно ощущает связь со своими апостольскими основателями. Матерью-Церковью этого вселенского общества является Иерусалим. Однако сам Павел уже переносит свое внимание на столицу языческого мира как возможный центр для постязыческого христианства и как на базу для миссии в Испании (куда, скорее всего, ему все-таки удалось добраться).

Послания Павла выказывают его неустанную пастырскую заботу. Он вникает во все вопросы и отвечает на все. Но главное в них - два слова: "во Христе". В них весь смысл христианства, все начертание христианской жизни. Вера и крещение соединили нас со Христом, и теперь мы живем в Нем, для Него, Его жизнью до такой степени, что уже "не мы живем, а Христос живет в нас" (ср. Гал.2:20). Мы уже "во Христе", следова-

тельно, и жить должны согласно с этим призыванием и освящением. Если в первых главах Деяний Церкви предстала нам наступление обеспечения Царства Божия, то в посланиях Павла это Царство раскрывается как жизнь Самого Христа, дарованная людям и соединяющая их Духом Святым в нерасторжимое единство с Богом и единство между собою. "Деяния" заканчиваются в Риме. И это не случайно - темой книги и был этот путь Церкви от Иерусалима до Рима, от Центра Израиля до Центра Мира. Как мы знаем, служение Апостолов завершилось их свидетельством не только словом, но и кровью. Пока после них остаются лишь малочисленные группы людей, рассеянные по всему миру. И все же первая победа одержана - до концов вселенной прозвучала Благой Вестью о Христе.

7. Павел видел Церковь как общество, в котором разрушена преграда между иудеем и язычником, но тем не менее остается некая двупостасность. Однако иудео-христианство не смогло обратиться к иудейскому народу. Иерусалим был дважды разрушен - в 70 г. и вновь в 135 г., когда эдиктом императора Адриана все евреи были изгнаны из Иудеи, а Иерусалим сделался Элией Капитолиной - эллинистическим городом с языческими храмами и театрами.

Это означало, что постязыческое христианство окончательно освободилось от своих иудео-христианских корней. Концепция апостола Павла о некоем автокефальном статусе постязыческого христианства, существующего бок о бок с иудео-христианством в теле одной Церкви, не воплотилась в жизнь. Факторы падения Иерусалима и постоянного притока обращенных из языче-

ства сами собой решили вопрос о свободе от закона, за которую так долго боролся апостол Павел. Само количество обращенных и географическое распространение Церкви по всему средиземноморскому миру дали ей завершенное самосознание и ощущение кафоличности. Ощущение пребывания в апостольском преемстве также более не связывало ее непременно и исключительно с Иерусалимом: по всему Востоку было множество церквей, основанных апостолами, а на Западе была столица - Рим, освященная мученической смертью Петра и Павла.

Хотя палестинские христиане постоянно и терпели гонения от иудеев (1Фес.2:14), они в течение долгого времени не порывали с иудаизмом в надежде на полное обращение еврейского народа. Однако постепенно разрыв сделался неизбежным. Фраза из "Жизнеописания Клавдия", написанного Светонием ("Так как иудеи постоянно устраивали беспорядки по подстрекательству некоего Хреста, Клавдий выселил их из Рима"), может означать, что уже в 50 г. в Риме происходили столкновения между иудеями и христианами.

Около 85 г. христиане подверглись жесточайшему погрому от иудеев. Тогда же в синагогальное богослужение была включена официальная анафема: "Да будут внезапно уничтожены назаряне и все еретики; и да будут они истреблены из Книги Жизни". Само существование миссии к язычникам осложняло положение иудео-христиан и делало практически невозможным их миссию к собственному народу ("В отношении к благовестию они враги ради вас", - пишет апостол Павел в Рим.11:28).

Положение иудео-христиан еще более ухудшалось из-за отношения некоторых обращенных из язычества братьев, быстро забывших о своем долге иудео-христианству. Иудео-христиане, исключенные из общения и бойкотируемые своими соплеменниками, продолжали соблюдать субботы, обрезание и все иудейские праздники. Поскольку это весьма раздражало многих христиан из язычников, они стали изолированными, никем не поддерживаемыми группами. Ортодоксальные иудеи не могли простить им сам факт их христианства, в то время как нееврейское большинство Церкви не принимало их упорства в соблюдении традиционных обычаев и правил иудаизма. Постепенно эти общины утрачивали свое значение. Из "Диалога с Трифоном-иудеем", написанным Иустином Философом около 160 г., мы можем заключить, что они еще были заметным явлением. Иустин верил, что каждый иудео-христианин был свободен соблюдать Моисеев закон, не изменяя, таким образом, христианской вере. Более того, он считал, что и христианин-нееврей, если захочет, имеет право соблюдать эти обычаи. Но, добавлял св. Иустин, это можно делать только при условии отношения к этим обычаям как к национальным традициям и как к предмету сугубо индивидуального выбора.

Поскольку это весьма раздражало многих христиан из язычников, они стали изолированными, никем не поддерживаемыми группами. Ортодоксальные иудеи не могли простить им сам факт их христианства, в то время как нееврейское большинство Церкви не принимало их упорства в соблюдении традиционных обычаев и правил иудаизма. Постепенно эти общины утрачивали свое значение. Из "Диалога с Трифоном-иудеем", написанным Иустином Философом около 160 г., мы можем заключить, что они еще были заметным явлением. Иустин верил, что каждый иудео-христианин был свободен соблюдать Моисеев закон, не изменяя, таким образом, христианской вере. Более того, он считал, что и христианин-нееврей, если захочет, имеет право соблюдать эти обычаи. Но, добавлял св. Иустин, это можно делать только при условии отношения к этим обычаям как к национальным традициям и как к предмету сугубо индивидуального выбора.

Поскольку это весьма раздражало многих христиан из язычников, они стали изолированными, никем не поддерживаемыми группами. Ортодоксальные иудеи не могли простить им сам факт их христианства, в то время как нееврейское большинство Церкви не принимало их упорства в соблюдении традиционных обычаев и правил иудаизма. Постепенно эти общины утрачивали свое значение. Из "Диалога с Трифоном-иудеем", написанным Иустином Философом около 160 г., мы можем заключить, что они еще были заметным явлением. Иустин верил, что каждый иудео-христианин был свободен соблюдать Моисеев закон, не изменяя, таким образом, христианской вере. Более того, он считал, что и христианин-нееврей, если захочет, имеет право соблюдать эти обычаи. Но, добавлял св. Иустин, это можно делать только при условии отношения к этим обычаям как к национальным традициям и как к предмету сугубо индивидуального выбора.

Поскольку это весьма раздражало многих христиан из язычников, они стали изолированными, никем не поддерживаемыми группами. Ортодоксальные иудеи не могли простить им сам факт их христианства, в то время как нееврейское большинство Церкви не принимало их упорства в соблюдении традиционных обычаев и правил иудаизма. Постепенно эти общины утрачивали свое значение. Из "Диалога с Трифоном-иудеем", написанным Иустином Философом около 160 г., мы можем заключить, что они еще были заметным явлением. Иустин верил, что каждый иудео-христианин был свободен соблюдать Моисеев закон, не изменяя, таким образом, христианской вере. Более того, он считал, что и христианин-нееврей, если захочет, имеет право соблюдать эти обычаи. Но, добавлял св. Иустин, это можно делать только при условии отношения к этим обычаям как к национальным традициям и как к предмету сугубо индивидуального выбора.

Поскольку это весьма раздражало многих христиан из язычников, они стали изолированными, никем не поддерживаемыми группами. Ортодоксальные иудеи не могли простить им сам факт их христианства, в то время как нееврейское большинство Церкви не принимало их упорства в соблюдении традиционных обычаев и правил иудаизма. Постепенно эти общины утрачивали свое значение. Из "Диалога с Трифоном-иудеем", написанным Иустином Философом около 160 г., мы можем заключить, что они еще были заметным явлением. Иустин верил, что каждый иудео-христианин был свободен соблюдать Моисеев закон, не изменяя, таким образом, христианской вере. Более того, он считал, что и христианин-нееврей, если захочет, имеет право соблюдать эти обычаи. Но, добавлял св. Иустин, это можно делать только при условии отношения к этим обычаям как к национальным традициям и как к предмету сугубо индивидуального выбора.

(Продолжение в №37)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 300 экз.